

DOI 10.15393/j9.art.2017.4641

УДК 821.161.1.09“18”

Наталья Николаевна Старыгина*Поволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)*

starigina@yandex.ru

ДАРЕНИЕ: ОТ УСТОЙЧИВОГО РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОТИВА К СКВОЗНОМУ МОТИВУ В СВЯТОЧНЫХ РАССКАЗАХ Н. С. ЛЕСКОВА

Аннотация. Предметом исследования является мотив дарения, объектом изучения — цикл «Святочные рассказы» Н. С. Лескова: характеризуются содержание, функции, варианты проявления мотива дарения в евангельской истории Рождества Христова, в святочной культурной традиции, систематизируются варианты этого мотива в святочных рассказах писателя, виды дарения, подарки и дары. Мотив дарения выполняет различные художественные функции: сюжетобразующую, характерологическую, типологизирующую и др. Он является сквозным мотивом, имеющим циклообразующую функцию. Мотив дарения выступает как важный для Лескова способ изображения социокультурного пространства, в том числе бытовой культуры и повседневной жизни героев. Важнейшей функцией этого мотива является формирование рождественского контекстуального содержания в святочных рассказах Лескова, характеризующихся, как известно, воспроизведением бытовых (житейских) ситуаций, отсутствием и / или разоблачением мистики, зачастую анекдотичностью и т. п. Мотив дарения становится средством представления рождественской семантики, обогащающей лесковские тексты христианскими мотивами, образами, символами, концептами.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, мотив дарения, вид дарения, феномен подарка, социокультурная среда, Рождество, Святки, цикл, святочный рассказ

Процесс дарения и феномен подарка активно изучаются историками, социологами, экономистами, культурологами, психологами (см., напр.: [9]; [10]; [11]; [19]). Признано, что «подарок сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Подарок — это неотъемлемый атрибут нашей современной культуры, который несет в себе социальную функцию. Подарок и процесс дарения являются традиционным

способом установления и поддержания отношений и связей между людьми с древнейших времен и по сей день» [11]. Дарение и подарок рассматриваются как средства социокультурной коммуникации, символы социальной жизни. Зачастую они являются объектами изображения в художественных произведениях, участвуют в формировании мотивного комплекса, сюжетных событий и / или ситуаций, образа вещи (предмета), образов персонажей (дарителя и одариваемого) и др. (см.: [5]).

Мотив дарения в качестве предмета филологического исследования встречается довольно редко. При этом он чаще всего исследуется в аспекте проблемы трансформации фольклорных мотивов (см.: [13]) в авторском тексте и в качестве устойчивого мотива традиционной культуры (см.: [14]; [15]; [18]; [2]). Отмечается исследователями и функционирование фольклорного мотива дарения в художественных произведениях (см., напр.: [8]).

Вместе с тем изучение мотива дарения в литературе позволяет более полно охарактеризовать социокультурный мир произведения, особенности авторского мировосприятия и поэтики. Обращение к данной теме актуально в том случае, когда автор описывает социокультурные явления, в которых изначально присутствует традиция дарения, а процесс дарения является характерной и символической составляющей культурного феномена. К таким явлениям относятся Рождество Христово, Новый год и Святки, формирующие рождественско-святочный период в русском календаре. В контексте заявленной проблемы интерес представляет жанр рождественского и святочного рассказа и, конкретно, цикл «Святочные рассказы» Н. С. Лескова.

В данной статье мотив рассматривается как структурно-семантический элемент текста, обозначенный разнообразными поэтическими способами и средствами. Он является универсальным средством представления контекстуального содержания (об этой функции см. подробнее: [17]).

Мотив дарения является устойчивым рождественско-святочным мотивом. В библейской истории он проявляется

многогранно: само Рождение Христа — дар Бога человечеству (см.: [7]), также мотив дарения реализуется в ситуации поднесения даров (золото, ладан, смирна) волхвами Мельхиором, Гаспаром и Валтасаром.

Празднование Рождества Христова в русской среде (как и в западных странах) связано с семейной традицией, включающей общие молитвы, праздничные ужины после длительного поста, подарки родным и близким. В содержании церковных служб, в частности песнопений (напр., ирмосах канона Рождества Христова), мотив дарения приобретает дополнительные смыслы: людям дарованы радость, восторг от встречи с Христом-«Человеколюбче» (ирмос «Христос рождается...»), милосердие, щедрость, чудо, таинство (ирмос «Таинство странное вижу...»), любовь, сила, усердие. Христос дарует мир, свет богопознания (ирмос «Таинства странные вижу...») (см.: [12]).

Мотив дарения представлен и в святочной истории. Этот период включает встречу Нового года: во второй половине XIX века сложилась культурная традиция этого праздника, включающая обычай дарить подарки родным (прежде всего детям). Главным дарителем считался Дед Мороз, образ которого окончательно оформился к началу XX века. Кроме того, сохраняется традиция колядования: колядки содержали магические заклинания, пожелания благополучия дому и семье, требования подарков от хозяев (пряников, орехов, сладостей, караваев и т. д.). Таким образом, мотив дарения является одной из важных составляющих рождественско-святочного мотивного комплекса.

Своеобразным подарком читателям к Рождеству Христову становились рождественские и святочные рассказы Н. С. Лескова, публиковавшиеся в последнем и первом номерах газет и журналов (то есть накануне и в первый месяц наступившего года), позже составившие цикл «Святочных рассказов». Мотив дарения является важной составляющей сюжета каждого из рассказов цикла. Таким образом, он является одним из циклообразующих мотивов.

Главными функциями мотива дарения в «Святочных рассказах» являются структурирование бытовых ситуаций и характеристика социальных отношений, акцентирование культурных смыслов, формирование рождественской семантики

цикла. Названные функции реализуются в рассказах, которые формально приурочены к рождественско-святочному периоду через указание на время действия в сказовой ситуации («Отборное зерно», «Обман», «Жидовская кувырколлегия», «Маленькая ошибка») и в рассказах, характеризующихся рождественско-святочным хронотопом («Жемчужное ожерелье», «Неразменный рубль», «Зверь», «Штопальщик», «Дух госпожи Жанлис», «Старый гений», «Пугало»).

В первом рассказе цикла — «Жемчужное ожерелье»¹, — действие в котором разворачивается в зимний праздничный период от Рождества до Крещения, мотив дарения сопутствует двум сюжетообразующим мотивам: празднования и сватовства.

Реализуя мотив дарения, Лесков характеризует персонажей и семейно-бытовые отношения. Так, в период сватовства невесте и ее родным подносится корзина с дарами, вручаются дорогие подарки на Рождество и Новый год. Процесс дарения не описан, но легко может быть воспроизведен читателем, так как автор упоминает о выборе, подношении и принятии подарков. Исключение составляет поднесение отцом дочери-невесте жемчужного ожерелья, изображенного Лесковым обстоятельно:

Машенькин отец о приданом молчал, но зато сделал дочери *престранный* и, как потом я понял, совершенно *непозволительный* и *зловещий* подарок (курсив мой. — Н. С.) (16).

Первая характеристика подарка — «престранный» — создает интригу, атмосферу тревожного ожидания, таинственности и загадочности.

Писатель воспроизводит ситуацию дарения (ритуал), включающую речь дарителя:

Он сам надел на нее при всех за ужином богатое жемчужное ожерелье... <...> Отец Машеньки, подав ей эту драгоценность, сказал: «Вот тебе, доченька, штучка с наговором: ее никогда ни тля не истлит, ни вор не украдет, а если и украдет, то не обрадуется. Это — вечное» (16).

Рассказчик отмечает реакцию присутствующих:

Мы, мужчины, взглянув на эту вещь, даже подумали: «Очень хорошо».

— Ого-го, мол, — сколько это должно стоить? Вероятно, такая штучка припасена с оных давних, благих дней, когда богатые люди из знати еще в ломбарды вещей не посылали, а при большой нужде в деньгах охотнее вверяли свои ценности тайным ростовщикам вроде Машенькиного отца (16).

Мужчины воспринимают подарок как дорогостоящую вещь. Ценность подарка подтверждается в подробном описании жемчуга:

Жемчуг крупный, окатистый и чрезвычайно живой. Притом ожерелье сделано в старом вкусе, что называлось рефидью, ряснами, — назади начато небольшим, но самым скатным кафимским зерном, а потом все крупней и крупнее бурмицкое и, наконец, что далее книзу, то пошли как бобы, и в самой середине три черные перла поражающей величины и самого лучшего блеска. Прекрасный, ценный дар совсем затмевал сконфуженные перед ним дары моего <Машенькиного> брата (16).

Женщины воспринимают подарок эмоционально, для них важна символика дара:

Но у женщин ведь на всё свои точки зрения, и Машенька, получив ожерелье, заплакала, а жена моя не выдержала и, улучив удобную минуту, даже сделала Николаю Ивановичу у окна выговор, который он по праву родства выслушал. Выговор ему за подарок жемчуга следовал потому, что жемчуг знаменует и предвещает *слезы*. А потому жемчуг никогда для новогодних подарков не употребляется (16).

Символика жемчуга многообразна. У разных народов жемчуг традиционно считается женской драгоценностью, дарящей женщинам «удачу в любви и плодовитость» [20, 398]. В восточных культурах этот минерал символизирует «могущество Луны, женщины, плодовитости и рождения» [20, 398]. В христианстве жемчуг является символом непорочности Девы Марии, символом Иисуса Христа. Так, миф о зарождении жемчуга в древнерусских азбуковниках XVI–XVII вв. иллюстрирует символическую картину непорочного зачатия, где «молния — святой дух, сошедший в чрево девы Марии, раковина с моллюском —

символ богородицы, жемчуг (бисер) — символ Христа» [6] (о символике жемчуга см. также: [1]; [16]).

В рассказе Лескова актуализируется народное поверье, согласно которому «даже приснившийся жемчуг воспринимался как предвестие грядущих несчастий и слез» [3]. Герои «Жемчужного ожерелья», в том числе невеста, уверены, что жемчуг приносит несчастье. Отец героини нарушает традицию дарения, при этом уверяет дочь в том, что его дар «не такой»: «Но ты, мое дитя, не плачь и выбрось из головы, что мой жемчуг приносит слезы» (17). Подарок воспринимается в этой ситуации еще более загадочным и странным, что интригует всех участников события:

Это не такой. Я тебе на другой день твоей свадьбы открою *тайну* этого жемчуга, и ты увидишь, что тебе никаких предрассудков бояться нечего... (курсив мой. — Н. С.) (17).

Образ подарка становится образом-загадкой, притягивая к себе внимание как героев произведения, так и читателей.

Тему суеверия (предрассудка) отец Машеньки, Николай Иванович, ловко отшучиваясь, развивает в рассуждении о дарении драгоценностей:

— Это, — говорит, — во-первых, пустые предрассудки, и если кто-нибудь может подарить мне жемчужину, которую княгиня Юсупова купила у Горгубуса, то я ее сейчас возьму. Я, сударыня, тоже в свое время эти тонкости проходил и знаю, чего нельзя дарить. Девушке нельзя дарить бирюзы, потому что бирюза, по понятиям персов, есть кости людей, умерших от любви, а замужним дамам нельзя дарить аметиста *avec flèches d'Amour*², но тем не менее я пробовал дарить такие аметисты, и дамы брали...

Моя жена улыбнулась. А он говорит:

— Я и вам попробую подарить. А что касается жемчуга, то надо знать, что жемчуг жемчугу рознь. Не всякий жемчуг добывается со слезами. Есть жемчуг персидский, есть из Красного моря, а есть перлы из тихих вод — *d'eau douce*³, тот без слезы берут. Сентиментальная Мария Стюарт только такой и носила *perle d'eau douce* из шотландских рек, но он ей не принес счастья. Я знаю, что надо дарить, — то я и дарю моей дочери, а вы ее пугаете. За это я вам не подарю ничего *avec flèches d'Amour*, а подарю вам хладнокровный «лунный камень» (17).

Интересно, что Николай Иванович знает и раскрывает не только символику этого драгоценного камня, но и обычаи, связанные с процессом его дарения. Это обстоятельство немаловажно: читатель понимает, что герой не мог не знать о традиции дарения жемчуга.

Тайна отцовского дара раскрывается в финальных эпизодах рассказа: жемчуг оказался фальшивым. Известная символика драгоценности в данном случае несостоятельна. Подарок-загадка становится подарком-обманом. Однако, как было уже отмечено, «финал рассказа, повествующий о счастливом замужестве Маши, <...> не опровергал народных поверий. Просто жемчуг оказался поддельным и потому не имеющим никакой магической силы» [3].

Автор вкладывает в образ фальшивого дара важное содержание: не богатство, а любовь и уважение создают настоящую семью. Подарок-обман был проверкой чувств героя (молодого мужа), с одной стороны, с другой — с его помощью писатель раскрыл полноту отцовских переживаний. Мотив дарения сопрягается с мотивом нравственного выбора. Жемчуг (образ вещи как объекта дарения) стал символом выбора между материальным благом и одухотворенными чувствами (любовь, уважение, понимание, прощение и др.).

Следует подчеркнуть, что мотив дарения в рассказе «Жемчужное ожерелье» акцентирует важнейшее для рождественской прозы событие: духовное возрастание и прозрение человека. Отец Машеньки, убедившись в искренности, порядочности, честности и доброте нового зятя, поняв, что любовью ценна жизнь, простил старших дочерей и их мужей, одарив дарами (50-рублевыми банкнотами):

— <...> Ты <Машенька> себе <...> хорошего мужа выбрала!

— Я, папа, не выбирала. Мне его Бог дал.

— Хорошо, хорошо. Бог дал, а я *придам*: я тебе хочу прибавить счастья. Вот три билета, все равные. Один тебе, а два твоим сестрам (21).

Деньги традиционно воспринимаются как примета повседневной жизни людей. С этой точки зрения дар характеризует Николая Ивановича как щедрого человека и выражает его любовь, заботу и беспокойство за будущее детей.

Подарок символизирует прощение отцом старших дочерей и их мужей, когда-то проявивших корысть и жадность.

Деньги-дар также становятся символом духовного перерождения героя (отца). Дары (драгоценность и деньги), несмотря на их первичный профанный смысл, обозначают духовное пространство человеческой жизни. А в рождественской семантике рассказа (и цикла в целом) они являются приметамы сакрального мира.

История сватовства и женитьбы, рассказанная в «Жемчужном ожерелье», вбирает в себя и бытовые, и сакральные смыслы. В ней реализуется универсальный евангельский сюжет — «спуститься, чтобы вознестись»: подарить дочери фальшивую вещь (подарок-обман) и не верить в душевное благородство людей, вершить собственный суд; затем пережить чувство раскаяния, осознав свой грех, и, наконец, возрасти душой через прощение и любовь.

Повторяемость в святочном рассказе «Жемчужное ожерелье» мотива дарения свидетельствует о его значимости в воплощении авторского замысла. Последовательное соотнесение концепта «дарение» с христианскими концептами «прощение» и «любовь» («...сердце не заезжий двор: в нем тесно не бывает» (20)), символизация образов вещей-подарков (не случайно подарки жениха невесте именуются «дарами», а дарение подарков на Рождество — «подношением даров»), сакрализация бытовой ситуации, включение житейской истории в праздничную атмосферу Рождества и Святков позволяют рассматривать мотив дарения как художественное средство, формирующее христианскую семантику текста.

Заявленный в первом рассказе лесковского цикла мотив дарения присутствует — непосредственно или опосредованно — во всех святочных рассказах. Особенности его проявления, как в плане содержания, так и в плане выражения, зависят от хронотопа. В группе рассказов («Штопальщик», «Зверь», «Пугало», «Дух госпожи Жанлис», «Старый гений», «Неразменный рубль»), характеризующихся рождественско-святочным хронотопом, мотив дарения обусловлен и напрямую соотнесен с рождественской семантикой.

В рассказе «Штопальщик» сюжетобразующими являются мотив «Новый год — новое счастье» («...через это тебя в Новый год новое счастье ждет», «с этого наше новое счастье начинается» (132)) и мотив таланта («от Бога талант дан, а где талант, там и счастье будет» (128)), с которыми соотносится мотив дарения. Так, «новое счастье» — это дар (Бога, неба, судьбы, Деда Мороза). Талант героя рассказа Василия Коньча — тоже дар Божий. Кроме того, судьба дарила Василию Коньчу помощь добрых людей (после пожара, случившегося накануне Рождества, его приютили в гостинице по просьбе клиента). В рассказе подчеркивается, что ему, трудолюбивому, честно-му, доброму, женившемуся на сироте, «Бог дает». Следует отметить, что причиной подарка, изменившего жизнь героя, становится случай: барин («Козырь»), оказавшийся однофамильцем, дарит ему дом («счастье жизни твоей устрою» (134)) с условием, что он изменит фамилию (с Лапутина на Лепутина; новое имя тоже своего рода дар). Наконец, «дар дарителю возвращается»: «вечный дом» Козырь обрел под фамилией Лепутан. Мотив дарения окольцовывает историю Лапутиных-Лепутанов и соотносится с мотивами судьбы, суетности и др.

Завязка сюжета в рассказе «Неразменный рубль» — ожидание мальчиком неизменного (бабушкиного) рождественского подарка — серебряного рубля. Во сне мальчик, владея неразменным рублем, делает подарки. Получив наяву долгожданный подарок от бабушки, маленький герой одаривает дворовых людей. Мотив дарения, организующий сон героя, дублируется в описании реального события из жизни мальчика. В этом рассказе ситуация дарения воспроизводится полно и неоднократно.

Социокультурное содержание мотива дарения (праздничная культура, отношения между представителями разных сословий, отношения в семье и др.) обогащается и дополняется вечными смыслами и образами, которые сосредоточены в морализаторском высказывании бабушки:

Неразменный рубль — по-моему, это талант, который Providence дает человеку при его рождении. Талант развивается и крепнет, когда человек сумеет сохранить в себе бодрость и силу на распутии четырех дорог, из которых с одной всегда должно

быть видно кладбище. *Неразменный рубль* — это есть сила, которая может служить истине и добродетели, на пользу людям, в чем для человека с добрым сердцем и ясным умом заключается самое высшее удовольствие. Все, что он сделает для истинного счастья своих ближних, никогда не убавит его духовного богатства, а напротив — чем он более черпает из своей души, тем она становится богаче (29–30).

Рождественское содержание рассказа обуславливает символизацию образа подарка (как реального серебряного рубля, так и мистического): он становится символом добрых дел, приносящих людям радость, возрастания души маленького человека, служения людям и духовного преображения героя. Наконец, образ дара становится символом щедрости и милосердия Иисуса Христа, дарующего людям духовную силу в испытаниях и искушениях.

Рассказ «Зверь» вводит читателя в атмосферу празднования Рождества Христова, праздника, неотделимого от церковной традиции. Мотив дарения явно не присутствует в тексте, но подразумевается: в качестве даров, традиционно подносящихся (особенно детям) на Рождество и Новый год, можно рассматривать устроенные хозяином дома застолье «при звезде» и забаву (травлю медведя). Бытовая традиция дарения соотнесена с сакральным содержанием праздника, что подчеркнуто в его описании. В день Рождества в зале собрались гости, все «в праздничном»: «В зале, кроме множества родных и гостей, стояло духовенство: священник, дьякон и два дьячка» (39). Начало празднования ознаменовалось исполнением ирмоса «Христос рождается...». В переводе на современный русский язык он звучит следующим образом:

Христос рождается — славьте!
Христос с небес — встречайте!
Христос на земле — воспряньте!
Пой Господу, вся земля,
и с веселием воспойте, люди,
ибо Он прославился⁴.

Песнопение актуализирует мотивы даров Христа, рождественских даров.

Мотив дарения развивается в словах отца Алексея, который

...сам тихо «вознесся» и умом и сердцем. Он заговорил о *даре*, который и нынче, как и «во время оно», всякий бедняк может поднести к яслям «рожденного Отроча», смелее и достойнее, чем поднесли золото, смирну и ливан волхвы древности. Дар наш — наше сердце, исправленное по Его учению. Старик говорил о любви, о прощеньи, о долге каждого утешить друга и недруга «во имя Христово»... (48–49).

Священник (в пересказе героя-повествователя) воспроизвел универсальную ситуацию, используя образы яслей, даров (золото, смирна, ладан) волхвов. Дар он толкует по-своему — «наше сердце», вмещающее любовь, прощение, утешение, дружбу. Данная трактовка появилась после празднования Рождества, во время которого жестокая травля зверя вызвала в душе героя-рассказчика глубокое сочувствие и жалость к мучимому животному:

Храпон отвел Сганареля <медведя> и заключил его под арест <...> но сам вернулся домой очень расстроенный и опечаленный. На свое несчастье, он рассказал своей сестре, как зверь <...> застонал, точно заплакал. <...> стоны эти были мучительны и невыносимы для его сердца. <...> лучше бы сам всякие муки принял, но в него ни за что бы не выстрелил (37–38).

Символический образ сердца включает христианскую семантику, в том числе актуализированную ирмосом «Христос рождается...». Образ «сердца, исправленного по Его учению», явно перекликается со словами: «Христос на земле — воспряньте!», то есть вера помогает вознестись духом, обрести гармонию эмоционально-чувственной и интеллектуально-рациональной жизни.

Центральная идея рассказа неоднократно соотносится с мотивом дарения. Слова отца Алексея: «Дар наш — наше сердце, исправленное по Его учению» — иллюстрируют судьбу дяди героя-рассказчика. Дядя, не знавший милосердия, «ибо почитал его за слабость» (33), впоследствии меняет свое отношение к окружающим людям: он *благодарит* отца Алексея (целует ему руку и говорит «спасибо»), прощает Ферапонта и дарит ему «вольную и сто рублей». Наиболее важным является то, что в ответ на отказ Ферапонта от вольной дядя, по сути дела, дарит ему свое сердце:

Дядя моргнул глазами, приложил к ним одною рукою свой белый фуляр, а другою, нагнувшись, обнял Феропонта <...>. Довольно было чувствовать, что здесь совершилась слава вышнему Богу и заблагодарил мир во имя Христово, на месте сурового страха (50).

После в деревню «были посланы котлы браги. Зажглись веселые костры, и было веселье во всех, и, шутя, говорили друг другу: — У нас ноне так случилось, что и зверь пошел во святой тишине Христа славить» (50). Таким образом, мотивы прозрения (возрождения), милосердия, празднования, прославления Бога и дарения объединяются.

В типичном для святочного рассказа заключении герой-повествователь, называя давно ушедших дядю и Феропонта «двумя добряками», вновь заостряет внимание читателя на центральной идее рассказа: «Дар наш — наше сердце, исправленное по Его учению»:

...в московских норах и трущобах есть люди, которые помнят белоголового длинного старика, который словно чудом умел узнавать, где есть истинное горе, и умел попевать туда вовремя сам или посылал не с пустыми руками своего доброго пучеглазого слугу (50).

В рассказах «Дух госпожи Жанлис», «Старый гений», «Путешествие с нигилистом» мотив дарения, на первый взгляд, не несет в себе рождественской семантики. В первом рассказе он представлен опосредованно. В сцене чтения юной княжной отрывка из книги Жанлис: «дух» писательницы преподносит сюрприз ее почитательнице, княгине, уверенной в абсолютной невинности описываемых Жанлис историй. Сюрприз, как известно, неожиданный подарок. Для княгини такой «подарок» от почитаемого ею «духа» Жанлис оказался еще и очень неприятным, нарушившим привычное течение ее жизни. В рассказе «Старый гений» мотив дарения реализуется в двух вариантах: как мотив взятки чиновникам («сухая ложка рот дерет», «надо смазать») и как мотив вознаграждения (200 рублей «гению» за «мысль» и 300 рублей исполнителю — «сербскому сражателю»; «сейчас пятьсот рублей на стол, и завтра же ваша душа на простор»). Мотив вознаграждения

дублируется упоминанием о том, что старушка получала информацию о должнике от «подкупленных слуг». В «Путешествии с нигилистом» вариантом мотива дарения является также мотив вознаграждения: дьякона пригласили «за десятку позднюю обедню сделать» (169).

Мотив дарения (сюрприза, взятки, вознаграждения) наделен в данных рассказах Лескова характерологической и социологической функциями, он маркирует бытовые (житейские), даже анекдотические ситуации. Вместе с тем эти ситуации выявляют важные смыслы: добро побеждает зло, ложные и надуманные представления о жизни оказываются несостоятельными, страх и суетность уступают место реальному взгляду на человека и явления. Подтверждением этой мысли служат заключительные слова рассказа «Старый гений»:

Так были побеждены неодолимые затруднения, правда восторжествовала, и в честном, но бедном доме водворился покой, и праздник стал тоже светел и весел (321).

Мотив дарения помогает в конкретной ситуации увидеть проявление высших смыслов, что, конечно, в святочных рассказах Лескова закрепляется морализаторской сентенцией автора, героя или повествователя.

Подобное художественное воплощение мотива дарения характерно для святочных рассказов цикла, формально приуроченных к Рождеству и Святкам. Одним из них является рассказ «Привидение в Инженерном замке». Основанием для введения этого произведения автором в цикл «Святочные рассказы» стала заявленная в названии и организующая повествование тема потустороннего мира или нечистой силы. Как известно, Святки, особенно их вторая неделя (страшные дни), по представлениям наших предков, были периодом разгула нечистой силы, встреч с душами умерших предков.

Мотив дарения представлен в рассказе опосредованно в сцене появления вдовы у гроба генерала Ламновского. Вдова, которую перепуганные воспитанники приняли за привидение, подарила им свое прощение: «Привидение» им «погрозило и... перекрестило» (55). В жесте героини выразилась

целая гамма христианских смыслов и чувств: любовь, жалость, милосердие, сочувствие, прощение.

Лесков, как известно, трансформировал жанр святочного рассказа, изображая бытовые ситуации. Мотив дарения часто структурирует именно такие ситуации. В рассказах «Отборное зерно», «Жидовская кувырколлегия», «Маленькая ошибка», «Путешествие с нигилистом», «Зверь» подарок становится выражением благодарности за помощь в каком-либо деле или знаком признательности за участие и сочувствие. В «Жидовской кувырколлегии» и «Маленькой ошибке» говорится о таком виде дарения, как взятка (см: [4]).

В некоторых святочных рассказах мотив дарения, соотношенный, на первый взгляд, с церковной и духовной жизнью христианина, лишается сакрального значения. Так, в рассказе «Обман» становится известно, что жена Холуяна принимает средства на пожертвование бедным, но в действительности герои рассказа отдают деньги «подставной жене» с целью заполучить ее расположение. Милостыня становится мнимой, герои обмануты, дарение профанируется.

В рассказах «Отборное зерно» и «Маленькая ошибка» исследуемый мотив можно обозначить точнее: как мотив «дары и жертвы». В первом лоцман Иван Петров «приносил в храм дары и жертвы: пелены, ризы, свечи и курения» (84–85), но ими он замаливал грехи, в сущности, откупался. Подобный смысл актуализирован во вставном рассказе о купце, которому лоцман и жители деревни помогли избавиться от нетоварного зерна и получить хорошую страховку. В рассказе «Маленькая ошибка» «дары и жертвы» приносили старцу Ивану Яковлевичу, образ которого дан иронически, в чем убеждает описание ошибочного пророчества старца, его «маленькой ошибки».

В «Жидовской кувырколлегии» «дары духовные» воспринимаются иронично и обыденно, поскольку ими обладали «партнеры по картам». Иронически воспринимается и «вера в людей, одаренных особыми силами предвидения и прорицания, а пожалуй, даже и своего рода чудотворства» (176), о чем шла речь в рассказе «Маленькая ошибка».

На первый взгляд, мотив дарения в бытовой ситуации лишается христианского смысла, однако такое его прочтение и толкование является зачастую упрощенным. Безусловно, святочные рассказы Лескова имеют христианскую направленность. Это особенно очевидно, когда предметом дарения становятся деньги, которые подчеркивают профанность ситуации, они — примета повседневности. В рассказе «Жемчужное ожерелье», как мы помним, отец, человек практичный, прощает дочерей и в знак примирения дарит им деньги, а его младший зять прощает ему обман и отвечает любовью.

Мотив дарения соотносится не только с бытовой ситуацией, но и приобретает христианскую семантику (прощение, милосердие, перерождение и возрастание души), ему возвращается сакральный смысл. Подарок становится не только и не просто знаком, несущим информацию о социальных отношениях, но и символом духовного прозрения человека. Посредством подарков-вещей устанавливается духовная связь между людьми, что и позволяет говорить о сакральном содержании мотива дарения в святочных рассказах Лескова (ср.: «Зверь», «Пугало»).

Нельзя не обратить внимания на то, что в рассказах святочного цикла вещественный дар (деньги, предметы быта или, например, постоянный двор в «Пугале») становится существенной и необходимой помощью людям. Так, в рассказе «Отборное зерно» деньги (благодарность купца за услугу) позволили целой деревне отстроиться после пожара. В рассказе «Штопальщик» Василий Коныч также обустраивается после пожара с помощью дара «Козыря» за оказанную услугу. Взятка от евреев «бедному родственнику» графа Мордвинова позволила первому купить «домик». Деньги — вознаграждение за помощь — в рассказе «Старый гений» дали возможность «старушке из провинции» вернуть долг, выкупить заложенное имение («домишко»), то есть восстановить справедливость и не нищенствовать: «...и праздник стал тоже светел и весел» (169). В «Жидовской кувырколлегии» «патриотическая услуга», оказанная «простодушным кромчанином» Сименом Мамашкиным за вознаграждение в три гривенника, позволила навести порядок в воинской роте и успешно выдержать проверку.

Счастливые развязки бытовых историй отвечают атмосфере святочного рассказа.

Концепция святочного рассказа Лескова включает в себя представление о человеке как о самом главном чуде мира: человек в разных жизненных ситуациях сохраняет (или возвращает) божественную природу. Наиболее полно эта концепция воплощена в рассказах «Зверь» и «Пугало».

В рассказе «Зверь» мотив дарения раскрывает содержание образа Ферапонта, который отказывается от дара — откупной — и остается со своим барином до конца дней, посвящает себя благотворительности, помогает нищим и обездоленным. Таким образом, мотив дарения реализуется как мотив милостыни.

Герой рассказа «Пугало» Селиван, спасший от гибели в метель родных и самого героя-повествователя, отказывается от вознаграждения («двух сотенных бумажек»), не понимая, за что оно полагается: добрый поступок и помощь в беде естественны для него как для человека верующего: «Что такой за закон, — отвечал он, снова отстраняя от себя тетушкину руку с бумажками. — Чужою бедою не разживешься...» (224).

Рассказ «Пугало» характеризуется вариативными мотивами дарения. Первая группа мотивов акцентирует разные стороны повседневности: мотив милостыни («милостыню палачу с дочерью иногда подавали, не для них, конечно, а Христа ради» (188); во сне герой вместе с Селиваном носили еду и вещи в деревню бедным (197)); мотив вознаграждения за спасение (купец, спасенный Селиваном, «сделал добро бродяге», сдал ему в аренду постоялый двор; тетушкины «две сотенные бумажки», «После привезли ему подарков: чаю, сахару и муки», шубку жене); мотив взятки («дары» и «презенты» получал дядя Аполлинария с виновных). Вторая группа мотивов соотносится с рождественской семантикой: мотивы спасения и дарования жизни, милосердия, правды, совести («Твоя душа в день рождества была — как ясли для святого младенца, который пришел на землю, чтоб пострадать за несчастных. Христос озарил для тебя тьму, которую окутывало твое воображение пусторечие темных людей. Пугало было не Селиван, а вы сами, — ваша к нему подозрительность, которая никому не позволяла видеть его добрую совесть. Лицо

его казалось вам темным, потому что око ваше было темно. Наблюдай это для того, чтобы в другой раз не быть таким же слепым» (225)), мотив добра и зла («Так всегда зло родит другое зло и побеждается только добром, которое, по слову Евангелия, делает око и сердце наше чистыми» (226)).

Следует подчеркнуть, что в заключительном рассказе цикла актуализирован мотив даров Христа человечеству («Христос озарил для тебя тьму» (225)): действие (спасение в метель) приурочено к Рождественской ночи, введены символы Рождества («...душа в день Рождества была — как ясли для святого младенца...» (225)).

Мотив дарения присутствует в каждом из святочных рассказов Лескова и является сквозным в цикле. Он непосредственно связан с содержанием евангельской истории Рождества Христова и традицией дарить подарки в дни Рождества, Нового года и Святки. Дарение реализуется в различных ситуациях, упоминаниях и описаниях подарков и видов дарения. В значительной степени мотив дарения характеризует социокультурное пространство автора и героев, соотносится с традиционными праздниками, является знаком повседневности и быта. Он является важным средством представления рождественско-святочной семантики, формируя христианскую концептосферу (дар Божий, добро, милосердие, любовь, прощение, возрождение, спасение и др.). Мотив сохраняет сакральный смысл, указывая на духовную сферу в жизни человека, на родство душ и духовное общение.

Примечания

¹ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: в 36 т. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1903. Т. 18: Святочные рассказы. 189 с. Далее ссылки на это издание приводятся в современной орфографии и пунктуации с указанием страницы в круглых скобках. Рассказы «Старый гений», «Путешествие с нигилистом», «Привидение в Инженерном замке», «Маленькая ошибка», «Пугало» цитируются по изданию: Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 7 — с указанием страницы в круглых скобках.

² со стрелами Амура (*фр.*)

³ из пресных вод (*фр.*)

⁴ Канон 1. Ирмос «Христос рождается» // Азбука веры: Православный интернет-портал [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/mineia/rh07.shtml>

Список литературы

1. Аверинцев С. С. От берегов Босфора до берегов Евфрата. Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. — М.: Мирос, 1994. С. 35–40 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ec-dejavu.ru/z/Zhemchug.html> (28.07.2017).
2. Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Дар дружбы // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. — 2013. — № 5. — С. 247–254 [Электронный ресурс]. — URL: <http://scipeople.ru/publication/115636/> (28.07.2017).
3. Грачева И. В. Жемчуг в русской литературе // *Русская речь*. — 2002. — № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <http://library.rsu.edu.ru/p6884/> (28.07.2017).
4. Голосенко И. А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 1999. — Т. 2. — № 3. — С. 101–116.
5. Грызова У. И. Подарок как информационно-символический феномен // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. — 2012. — Вып. 19. — № 2 (121). — С. 246–253.
6. Ковтун Л. С. Рождение жемчуга (Знак и образ в приточном символе) // *Исследования по древней и новой литературе*. — Л., 1987. — С. 260–266 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ec-dejavu.ru/z/Zhemchug.html> (28.07.2017).
7. Кураев А., протоиерей. Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир. — М.: Проспект, 2017. — 431 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://azbyka.ru/dary-i-anafemy-cto-xristianstvo-prineslo-v-mir> (28.07.2017).
8. Ларионова М. Ч. Миф, сказка, обряд в русской литературе XIX века. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2006. — 256 с.
9. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических формах [Электронный ресурс]. — URL: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf (28.07.2017).
10. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М.: Восточная литература, 1996 [Электронный ресурс]. — URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/moss_obshestva/ (28.07.2017).
11. Попова Л. В., Стефурак К. Н. Культурно-исторический анализ феномена подарка и процесса дарения // *Современные научные исследования и инновации*. — 2013. — № 10 [Электронный ресурс]. — URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/27826> (28.07.2017).
12. Православные праздники / автор-составитель Н. Будур. — М.: Олма-Пресс, 2002. — 319 с.
13. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 366 с.
14. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. — М.: Лабиринт, 2006. — 128 с.
15. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. — 143 с.

16. Сребродольский Б. И. Жемчуг. — М.: Наука, 1985. — 136 с.
17. Старыгина Н. Н. Мотив как средство представления контекстуального содержания в святочных рассказах Н. С. Лескова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2016. — № 5 (158). — С. 98–104 [Электронный ресурс]. — URL: <http://uchzap.petrso.ru/ogn.php> (28.07.2017).
18. Шибанова М. П. Некоторые особенности календарно-обрядовой поэзии // Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области. Афанасьевский сборник: материалы и исследования. — Воронеж, 2005. — Вып. III. — С. 30–38 [Электронный ресурс]. — URL: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb3.pdf (28.07.2017).
19. Щербакова Л. В. Социально-психологические характеристики феномена подарка // Северо-Кавказский Психологический Вестник. — 2003. — №. 1. — С. 86–89.
20. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. — М.: Ладомир, 1999. — 488 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ec-dejavu.ru/z/Zhemchug.html> (28.07.2017).

Natalya N. Starygina

*Volga State Technological University
(Yoshkar-Ola, Russian Federation)*

starygina@yandex.ru

DONARY: FROM A PERMANENT CHRISTMAS MOTIF TO A CROSS-CUTTING MOTIF IN YULETIDE STORIES OF N. S. LESKOV

Abstract. The subject of research is the motif of donary, the object of study is a series of “Christmas stories” by N. S. Leskov. The research paper envisages the content, functions, manifestations of the motif of giving gifts in the gospel story of the Nativity, in Christmas cultural traditions. Versions of the motif of donary, its types, gifts and donations are systematized in the yuletide stories of Leskov. The motif of gift-giving accomplishes various artistic functions such as: formation of the subject, characters, typologization. The motif of donation is cross-cutting in the whole of the series of yuletide stories and plays a cycle formative role. A gift-giving motif is seen by Leskov as an important way of depicting social and cultural domains including functional culture and daily life of the characters. The key function of the gift-giving motif is formation of the Christmas contextual content in Leskov’s yuletide stories characterized, as it is known, by the representation of common (worldly) situations, absence and/or revealing of mysticism, often by their humorous connotation etc. The gift-giving motif becomes a means of presenting Christmas semantics that enriches Leskov’s texts with Christian motifs, images, symbols and concepts.

Keywords: N. S. Leskov, the motif of donary, types of gift-giving, gift, social and cultural domain, Christmas, Yuletide, cycle of stories, yuletide story

References

1. Averintsev S. S. *Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata. Antologiya blizhnvestochnoy literatury I tysyacheletiya n. e.* [From the Shores of the Bosphorus to the Shores of the Euphrates. The Anthology of Middle Eastern Literature of the 1st Millennium AD]. Moscow, Miros Publ., 1994, pp. 35–40. Available at: <http://ec-dejavu.ru/z/Zhemchug.html> (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
2. Glazyrina G. V., Dzhakson T. N. Dar druzhby [The Gift of Friendship]. In: *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2013, no 5, pp. 247–254. Available at: <http://scipeople.ru/publication/115636> (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
3. Gracheva I. V. The Perl in Russian Literature. In: *Russkaya rech'*, 2002, no. 3. Available at: <http://library.rsu.edu.ru/p6884/> (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
4. Golosenko I. A. The Phenomenon of the “Russian Bribe”: An Essay on the History of National Sociology of Bureaucracy. In: *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 1999, vol. 2, no. 3, pp. 101-116. (In Russ.)
5. Gryzova U. I. A Gift as an Information-Symbolic Phenomenon. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law], 2012, issue 19, no. 2 (121), pp. 246-253. (In Russ.)
6. Kovtun L. S. The Birth of Pearl (A Sign and an Image in the Parabolic Symbol). In: *Issledovaniya po drevney i novoy literature* [Studies on Ancient and New Literature]. Leningrad, 1987, pp. 260-266. Available at: <http://ec-dejavu.ru/z/Zhemchug.html> (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
7. Kuraev A., protodeacon. *Dary i anafemy. Chto khristianstvo prineslo v mir* [Gifts and Anathemas. What Christianity Brought to the World]. Moscow, Prospect Publ., 2017. 431 p. Available at: <https://azbyka.ru/dary-i-anafemy-chto-xristianstvo-prineslo-v-mir> (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
8. Larionova M. Ch. *Mif, skazka, obryad v russkoy literature XIX veka* [Mythes, Fairy Tales, Rites in Russian Literature of the 19th Century]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publ., 2006. 256 p. (In Russ.)
9. Moss M. *Ocherk o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaiskikh formakh* [An Essay on a Gift. Forms and Foundations for Exchange in Archaic Forms]. Available at: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
10. Moss M. *Obshestva. Obmen. Lichnost'*: *Trudy po sotsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality: Writings on Social Anthropology]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1996. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/moss_obshestva/ (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
11. Popova L. V., Stefurak K. N. Cultural and Historical Analysis of the Phenomenon of the Gift and Donating. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Researches and Innovations]. 2013, no. 10.

- Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/27826> (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
12. *Pravoslavnye prazdniki [Orthodox Holidays]*. Moscow, Olma-Press Publ., 2002. 319 p. (In Russ.)
 13. Propp V. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki [Historical Roots of the Magic Fairy Tale]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 366 p. (In Russ.)
 14. Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki [Morphology of the Magic Fairy Tale]*. Moscow, Labirint Publ., 2006. 128 p. (In Russ.)
 15. Propp V. Ya. *Russkie agrarnye prazdniki: opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya [Russian Agricultural Festivals: Experience of Historical and Ethnographic Research]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1963. 143 p. (In Russ.)
 16. Srebrodol'skiy B. I. *Zhemchug [The Pearl]*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 136 p. Available at: <https://librolife.ru/g5869026> (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
 17. Sarygina N. N. Motive as a Tool of Contextual Representation of Short Christmas Stories by N. S. Leskov. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]*, 2016, no. 5 (158), pp. 98-104. Available at: <http://uchzap.petrus.ru/ogn.php> (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
 18. Shibanova M. P. Some Peculiarities of the Calendar-Ritual Poetry. In: *Kalendarnye obryady i obryadovaya poeziya Voronezhskoy oblasti. Afanasyevskiy sbornik: materialy i issledovaniy [Calendar Ceremonies and Ritual Poetry of the Voronezh Region. Afanasyev Collection: Materials and Researches]*. Voronezh, 2005, issue 3, pp. 30–38. Available at: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb3/shibanova.pdf (accessed 28 July 2017). (In Russ.)
 19. Shcherbakova L. V. Socio-Psychological Characteristics of the Phenomenon of the Gift. In: *Severo-Kavkazskiy Psikhologicheskii Vestnik [North-Caucasian Psychological Bulletin]*, 2003, no. 1, pp. 86-89. (In Russ.)
 20. Eliade M. *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya [Essays on Comparative Religious Studies]*. Moscow, Ladomir Publ., 1999, pp. 398-400. Available at: <http://ec-dejavu.ru/z/Zhemchug.html> (accessed 28 July 2017). (In Russ.)